

V. Критика идеи общественной ликвидации и её прудоновского плана

Все возражения, которые можно сделать на предлагаемый Прудонем план общественного преобразования, сводятся к одному, направленному против самой его идеи способа произвести общественное преобразование. Он называет это преобразование общественной ликвидацией, и выбор этого термина очень ясно указывает общую мысль автора.

Общественная ликвидация! От слов этих часто вставали дыбом волосы на головах добрых буржуев; а между тем если всмотреться попристальнее, в них нет ничего ужасного; мало того, это не только не революционная формула, это формула консервативная.

Действительно, термин этот, заимствованный из конторского языка, который Прудон очень любил, обозначает просто акт, которым точно определяется, с соблюдением всех интересов, актив и пассив каждого из членов общества; таким образом он необходимо подразумевает сохранение *приобретённых* прав и даёт нам вместо революционной расправы легальную юридическую процедуру, результат которой есть не коренное разрушение всего существующего и основание нового общества, а такой порядок вещей, где более или менее идеальная справедливость воздаст каждому своё, соглашая все различные интересы и равно уважая, как притязания капиталиста, так и требования пролетария.

Итак, Прудон дурно поставил задачу и, ставя её таким образом, необходимо должен был прийти к выводам, несогласными с действительностью и несовместимыми с требованиями революции. Но его инстинкт был лучше его системы, вследствие чего ему часто приходится забывать свою логику, делать огромные отступления с пути, который он себе предначертал, и вступать в явное противоречие с самим собой. Мы уже несколько раз указывали на эти противоречия.

Не надо приписывать заблуждению отвлечённой мысли ошибку, в которую впал Прудон. Если даже такой высокий ум не мог найти истинной постановки социальной задачи и сбился с пути, поняв решение её в форме ликвидации, то это был естественный результат той среды, в которой он жил и мыслил. В 1848-м году разделение между буржуазией и пролетариатом было не так резко, как теперь; финансовый феодализм не дошёл тогда ещё до того развития, которое он приобрёл в последующие двадцать лет; со своей стороны, и пролетариат не получил ещё такого ясного сознания полного противоречия своих сословных интересов интересам буржуазии. Сверх того, тогда существовал средний класс, мелкая буржуазия, которая ныне всё более и более исчезает или развращается, поступая в

лакейскую службу к крупной буржуазии; но тогда этот класс, многочисленный, развитый и хранивший воспоминания великой революции, был надеждой социализма. Эта мелкая буржуазия, по мнению всех тогдашних социалистов, была краеугольным камнем революции; без неё казалось, пролетариат, неспособный освободиться сам, должен коснеть в своей инерции; без неё высшая буржуазия, всё более и более падающая нравственно и умственно, неспособна решить великие задачи общего интереса.

Если мы однажды допустим эту точку зрения и признаем необходимым вмешательство мелкой буржуазии, то роль этой буржуазии, принадлежащей одновременно к обоим лагерям, должна быть очевидно примирительная; с одной стороны, она должна была подвинуть высшую буржуазию на уступки, с другой – вынудить у пролетариата обещание уважать приобретённые права. Таким образом общественное преобразование естественным образом является в виде полюбовного соглашения между различными интересами; пролетарии освобождаются от ренты капиталу, рассматриваемой как источник всех зол; капиталисты же продолжают пользоваться своими капиталами и владеть временно землями и недвижимостями, пока их бывшие арендаторы и жильцы не выкупят их у них, выплатив им сумму, определённую с общего согласия.

Итак, мы видим, что система Прудона не есть продукт только личной мысли, а результат специального положения дел, в котором данные задачи были совершенно другие, чем ныне. В самом деле, пролетариат находился тогда в состоянии несовершеннолетия, детства, не мог сам предпринять дела своего освобождения; в то же время тогда существовала мелкая буржуазия, почитавшаяся настоящим народом и главной опорой революции. Оба эти факта должны были придавать проектам общественного преобразования характер соглашения между сословиями. Прудон определял это соглашение именем *общественной ликвидации*. И из этой идеи ликвидации естественно вытекали различные предлагаемые им средства для производства её, и, прежде всего, Банк дарового кредита.

Действительно, раз задача поставлена так: отдать землю в руки крестьянина не посредством простой и прямой экспроприации, а посредством выкупа; и отдать орудие труда в руки работника, не нанося ущерба собственности капиталиста – представлялось только одно средство решить её – создать учреждение, предназначенное чеканить деньги для пролетариата, дабы он мог заплатить свой выкуп сословию собственников. Вот истинная причина, почему Прудону понадобился его Банк. Банк этот есть необходимое орудие выкупа собственности. По окончании выкупной операции роль его сводится на положение простой меновой конторы.

Стоит только изменить данные задачи, уничтожить выкуп и дать землю крестьянину и орудие труда работнику без вознаграждения собственника, просто посредством экспроприации – и всё это построение кредита и банка рушится само собой; революции они ни на что не нужны.

Итак, прудоновский Банк есть изобретение, порождённое желанием произвести революцию путём ликвидации, т. е. соглашения. При современном же положении дел только изменники или глупцы могут предлагать пролетариату соглашение; противоречие интересов и принципов таково, что борьба на смерть между требованиями одних и привилегиями других

может решить вопрос. Стало быть, теперь уже нельзя говорить об общественной ликвидации; термин этот потерял всякий смысл; он уже не соответствует нашим революционным понятиям. Мы хотим коренного уничтожения буржуазии, без всякой пощады интересов, которые могут встретиться на пути революции. После этого не стоит в сущности и разбирать, насколько кредитная система, предлагаемая Прудонем, осуществима в действительности; это для нас уже не имеет интереса, так как система эта не входит в рамки революции, как мы её понимаем. Коллективистам не приходится опровергать Прудона; находя у него вещи устарелые, понятия, принадлежавшие безвозвратно минувшему времени, мы просто обходим их, не спрашивая, были бы они осуществимы в своё время; нам довольно знать, что в настоящих условиях революции им нет места.

То же и относительно средств, предлагаемых Прудонем для его ликвидации. Его система выкупов общественных и частных долгов уступает место мере гораздо более радикальной и простому уничтожению общественных и частных долговых обязательств. Выкуп земель и строений заменяется революцией коллективизма простой экспроприацией без всякого вознаграждения собственников; и в эту экспроприацию точно также входят фабрики, заводы, всякого рода мастерские, о которых Прудон даже не упоминает в своей системе выкупа.

Читатель заметил, что в плане Прудона ликвидация совершается посредством декретов, издаваемых законодательной властью. Властью этой, вероятно, Прудон полагал новое национальное собрание, которое должно было выйти из выборов 1852-го и от которого некоторые тогдашние социалисты чаяли чуда; но государственный переворот Бонапарта помешал этому собранию выйти на свет. Как бы то ни было, Прудон, так красноречиво осудив власть и государство, обращается к этому самому государству, чтобы сделать революцию. Тут, конечно, не достаёт логики; если, как он повторяет на каждой странице, революция есть разрушение государства и учреждение анархии, то каким же образом государство может явиться услужливым орудием собственного разрушения?

“ «Законодательная власть, говорит Прудон, выступит в последний раз только затем, чтобы продиктовать своё завещание».

Прекрасно, но то же самое говорят и государственные коммунисты, утверждающие, что они только затем и хотят овладеть политической властью, чтобы уничтожить её, как скоро она очутится в их руках; и если мы не принимаем этого объяснения со стороны коммунистов, то оно не лучше и в устах Прудона.

Революция, как мы её понимаем, действует иначе; она не производится с помощью декретов какой-нибудь власти, каким бы революционным и народным именем она себя не величала. Наша революция исходит из революционного факта; этот факт естественный результат борьбы, из которой пролетариат выйдет победителем, будет предшествовать всякому организационному факту; организация, какая бы то ни было, только заявляет

революционный факт и новые условия труда. Другими словами, менее абстрактными, рабочие и крестьяне овладевают землями, строениями, мастерскими, драгоценными металлами, всем общественным капиталом, помимо всяких теорий и мало заботясь о том, под какой рубрикой записан этот акт у социалистических мыслителей, под рубрикой ли *коммунизма*, или *мютюэлизма*, или *коллективизма*; в то же время они уничтожают не фразами декрета, а актами – всё, что служило ходу буржуазных учреждений – бумаги, долговые записи, таблицы налогов, государственные регистры, нотариальные акты, банковские книги и прочее. Это велико движение уничтожения существующего порядка и вступление во владение общественным капиталом совершается путём местного мятежа, непосредственно произведённого самим народом, а не руководимого диктатурой центральной власти; поэтому, по окончании революции в наличности оказываются лишь общины и рабочие группы, которые федерируются как хотят, и входят между собой в свободные соглашения.

Таков второй пункт, по которому мы совершенно расходимся с Прудоном. Он хочет произвести революцию государством; ему надобно *Ликвидирующее Государство*. Мы, напротив, хотим революции посредством масс, без и против государства.

Нам остаётся ещё рассмотреть один важный вопрос – вопрос собственности. Всё, что мы до сих пор сказали, не предрешает его; вопрос о форме собственности остаётся нетронутым. Рассмотрим решения, предлагаемые на этот счёт Прудоном, потому что решения эти могут быть хороши независимо от его системы производства *его ликвидации*.

Прудон различает три рода собственности и для каждого из них даёт особое решение: земли, строения и рабочий инструмент.

Мы видели, что, по Прудону, земля должна остаться индивидуальной собственностью крестьянина. С другой стороны, он даёт общине участие в праве владения и в чистом доходе с земли, что представляет из себя противоречие с привилегией, данной им крестьянам.

Тоже и относительно строений; они принадлежат общине, а между тем жилец, выплативший ценность занимаемой им недвижимости, получает пропорциональную и нераздельную долю в собственности всех построек, принадлежащих общине.

Мы не будем пытаться примирить эти противоречия. По нашему мнению, они служат доказательством того факта, что Прудон из отвращения к авторитарному коммунизму пришёл, с одной стороны, к сохранению индивидуальной собственности; но в то же время он понимал невыгоды этой формы и предчувствовал необходимость и возможность такой организации, которая, не впадая в авторитарный коммунизм, т. е. в государственную собственность, тем не менее, отменила бы индивидуальную собственность. Эта организация, которой первое выражение мы находим, таким образом, в самих противоречиях Прудона, где она является неправильным и инстинктивным планом, есть *коллективизм*.

Коллективизм заключается в необходимости коллективной собственности на основании фактов, представляемых современным развитием производства, где всюду мелкая промышленность и мелкая культура заменяются крупной промышленностью и крупной культурой. Мы признаём принцип, что орудие труда должно быть собственностью работника; но возьмём в примере орудия труда машину, занимающую руки сотни работников, или земледельческую эксплуатацию, требующую труда сотни крестьян; очевидно, что эту машину или землю нельзя раздробить, чтобы части её раздать работникам; машина или земля, становясь собственностью тех, кто пользуется ими, чтобы производить посредством их, должны быть собственностью *нераздельной* или *коллективной*. Прудон допустил этот принцип в организации своих рабочих товариществ.

Право собственности на орудие труда даётся работникам не какой бы то ни было правительственной властью: ассоциации производителей не делаются государственными арендаторами, платящими государству известную повинность за пользование уступленным им орудием труда. Это был бы авторитарный коммунизм.

Коллективизм же, беря, как мы сказали, исходной точкой революционный факт, понимает дело иначе. Различные ассоциации, овладев орудиями своего труда, вступают между собой в федерацию с целью регулирования распределения и обмена продуктов, как и количества производства; они взаимно гарантируют друг другу пользование орудиями труда контрактами, цель которых – воспрепятствовать одной ассоциации овладеть монополией и создать себе привилегированное положение эксплуатацией других. Этот надзор за ассоциациями, который Прудон поручал обществу (т. е. власти, будто бы представляющей общество – или, другими словами, государству), давая даже обществу право распускать ассоциацию, нарушившую свои обязательства – по нашему мнению, это право должно принадлежать самим ассоциациям; они, другие ассоциации, должны непосредственно наблюдать за исполнением существующих обязательств; с этой целью они кроме грубой силы, которая была бы единственным средством государства, располагают ещё более сильным средством; оно состоит в наложении интердикта на ассоциацию, не выполнившую своих обязательств, т. е. в прекращении всяких сношений с ней и в разрыве с ней солидарности.

Мы не считаем нужным объяснять громадную разницу между этой организацией *коллективности* и *анархии*, основанной на автономии групп, свободно федерирующихся между собой, и организацией *авторитарного коммунизма*, отдающего всю собственность в руки государства и обращающего работников в государственных наёмников. Авторитарный коммунизм, главной представительницей которого служит в настоящее время школа Карла Маркса, монополизировала таким образом собственность уже не в пользу буржуазии, а в пользу фикции, в пользу абстракции, существа воображаемого – государства; но для народа эта фикция воплотится в слишком конкретных представителей, государственных людей, чиновников, которые будут по произволу располагать общественным капиталом. Рабочие ассоциации, не владея прямо этим капиталом, будут принуждены спрашивать разрешения пользоваться им у государства через посредство его чиновников, так что последние сделаются распорядителями общественного состояния. На это возражают, что эти чиновники будут избираться народом и что, следовательно, они поневоле должны будут исполнять народную волю; но мы уже достаточно показали, говоря об всеобщем

избирательном праве, насколько можно полагаться на мнимое народное самодержавие, выражающееся выборным путём; мы показали, что это только усовершенствованная форма рабства масс.

Мы полагаем, что этих замечаний достаточно, чтобы выяснить в чём мы расходимся с Прудоном; мы полагаем также, что из наших объяснений стало ясно, что если заменить исходную точку Прудона – *соглашение* или *ликвидацию* – нашей точкой зрения – *разрушительной революции* – то приходишь к теории *коллективизма*, как к логическому следствию принципа анархии развитого самим Прудоном.

В заключение напомним, что Прудон не отрекается совершенно от революционного образа действия; он, правда, строит свою систему через полюбовную ликвидацию, но предусматривает также случай, если буржуазия не согласится на сделку, которая тогда заменится революционным погромом. И тогда, говорит он, уже не будет речи о выкупе, о вознаграждении; пролетариат подвергнет буржуазию экспроприации во имя права войны и возмездия. Но Прудон не хочет останавливаться перед этой перспективой и пишет свою книгу в предположении, что дело обойдётся мирно. Мы же стоим на революционной точке зрения, и те замечания, которыми мы дополнили изложение прудоновской теории, в сущности ничто иное, как выводы из книги Прудона, выводы, которые он сделал бы сам, если бы принял за основание умозаключение революционное, а не полюбовное решение вопроса; но в 1848-м году это решение представлялось ещё смутно среди разных других возможных случайностей будущего, тогда как теперь оно является единственной и близкой действительностью.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:37:26

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:38:55